

ІСТОРИЯ СЛАВІСТИКИ ТА БАЛКАНІСТИКИ

УДК 930 (477) "18": 94(475) "04/16"

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛЬШИ В ТРУДАХ УЧЕНЫХ ИМПЕРАТОРСКОГО ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (XIX – НАЧАЛО XX В.)

С. И. Лиман

Лиман С. І. Історія середньовічної Польщі в працях учених імператорського Харківського університету (XIX – початок XX ст.). У статті розглядається вивчення істориками імператорського Харківського університету деяких проблем середньовічної Польщі. Підкреслюється, що наукові дослідження харківських учених здебільшого відображали головні тенденції розвитку дореволюційної вітчизняної полоністики, якій були властиві широке розповсюдження полонофобських ідей та теза про згубність ідейно-політичної й соціально-економічної системи Польщі, обраною нею ще у Середні віки. У проблемному плані вчених цікавили, насамперед, такі питання як історія польської культури та освіти (П. П. Гулак-Артемівський, О. Л. Погодін), характер правління Сігізмунда I Старого (О. П. Зернін), причини, хід й результати польської Реформації (В. П. Бузескул). Внеском у вітчизняну полоністику були певні розділи «Лекцій зі всесвітньої історії» М. Н. Петрова й першого в Російській імперії «Короткого нариса історії слов'ян» О. Л. Погодіна.

Ключові слова: Польща; історія; Середні віки; історіографія; Харківський університет.

Лиман С. И. История средневековой Польши в трудах ученых Императорского Харьковского университета (XIX – начало XX в.). В статье рассматривается изучение историками Императорского Харьковского университета некоторых проблем средневековой Польши. Подчеркивается, что научные исследования харьковских ученых в основном отражали главные тенденции развития дореволюционной отечественной полонистики, для которой было характерно широкое распространение полонофобских идей и тезис о гибельности идейно-политической и социально-экономической системы Польши, избранной ею еще в Средние века. В проблемном плане ученых интересовали, прежде всего, такие вопросы как история польской культуры и образования (П. П. Гулак-Артемовский, А. Л. Погодин), характер правления Сигизмунда I Старого (А. П. Зернин), причины, ход и результаты польской Реформации (В. П. Бузескул). Вкладом в отечественную полонистику стали соответствующие разделы «Лекций по всемирной истории» М. Н. Петрова и первого в Российской империи «Краткого очерка истории славян» А. Л. Погодина.

Ключевые слова: Польша; история; Средние века; историография; Харьковский университет.

Liman S. I. History of Medieval Poland in Works of Scholars from Kharkov Imperial University (19th - early 20th century). The article dwells on the study by scholars of imperial Kharkov University of certain medieval Poland problems. It is emphasized the studies of Kharkov scholars mainly reflected basic development trends of domestic pre-revolution Polonistics which was characterized by vastly ingrained Polonophobic ideas and the thesis of dire disastrousness inherent in ideo-political and social-economic system of Poland selected as early as in Middle Ages. Kharkov scholars were interested first of all in such problems as history of Polish culture and education (P. P. Gulak-Artemovskiy, A. L. Pogodin), character of Zygmunt I Old rule (A. P. Zernin), causes, running and results of Polish Reformation (V. P. Buzeskul). A large contribution to our domestic Polonistics was made by V. N. Petrov in respective sections of his "Lectures on World History" and A. L. Pogodin in his Brief "Essay on Slavs History", first in Russian Empire.

Keywords: Poland; history; Middle Ages; historiography; Kharkov University.

XIX – начало XX вв. – это исторический период, в течение которого значительный массив этнических польских земель входил в состав Российской империи. При этом часть польского этноса, включая его влиятельное дворянство, проживала на украинских, белорусских, литовских землях бывшей Речи Посполитой. Считая себя покоренным народом, поляки в массе своей были носителями национальных, политических, религиозных идей, которые обычно вступали в противоречие не только с официальной идеологией Российской империи, но и с мировоззрением, взглядами, привычками непольского населения, среди которого они проживали.

Эта бытовая, конфессиональная, идеологическая напряженность то усиливаясь, то слабела, вооружала историков желанием обратиться к историческому прошлому Польши, к сложным взаимоотношениям поляков с другими народами, в том числе в Средние века⁷. При этом тютчевский ярлык «Иуды славянства», приставший к Польше в общественном сознании Российской империи, проецировался и на характер исторических исследований, а новые вспышки борьбы поляков за независимость рассматривались не только как предательство ими общеславянских интересов, но и как очередное доказательство враждебности латинства православию¹. По меткому выражению М. О. Кояловича, российской науке «периодические польские смуты, в особенности последняя, делали настоятельные вызовы к изучению существеннейших сторон польской исторической жизни»². Среди этих «существеннейших сторон» априори должны были доминировать те, которые исторически оправдывали поверженное положение Польши XIX в.: антиправославный, агрессивный характер ее внешней политики в Средние века, борьба в ней представителей разных национальностей и вероисповеданий, гибельность избранных ею «западных стандартов», всемогущество магнатов, слабость королевской власти и неизбежность краха подобной государственности.

В украинских землях Российской империи центрами изучения истории Польши были высшие учебные заведения, прежде всего университеты. Первым по времени университетом, открытым согласно Уставу 1804 г., был Харьковский университет. В течение XIX – начале XX в. здесь активно развивалась полонистика. В ряде работ, подготовленных харьковскими исследователями, характеризовались и исторические события средневековой Польши.

Анализ вклада ученых этих учебных заведений в изучение польской средневековой истории ещё не стал предметом специального историографического осмысления. В обобщающих историографических изданиях, посвящённых развитию славистики в Российской империи и в Украине, их авторы практически не обращались к анализу полонистических исследований учёных Харьковского университета³. В отечественной историографии последних лет, в частности в монографии С. А. Копылова, справедливо подчеркивалось значение П. П. Гулака-Артемовского, как лектора польского языка и популяризатора польской культуры⁴. Творчество харьковских историков (П. П. Гулака-Артемовского, А. П. Зернина, В. П. Бузескула, А. Л. Погодина и др.) рассматривалось и автором данной статьи в некоторых биоисториографических публикациях⁵, а также – контекстно – в работах, посвященных изучению средневековой истории Польши и медиевистики в трудах ученых украинских земель Российской империи⁶. Известная российская исследовательница Л. П. Лаптева посвятила статью и монографию научно-педагогической деятельности А. Л. Погодина⁷, часть творчества которого связана с изучением польской истории.

Цель данной статьи – представить комплексный анализ изучения историками Императорского Харьковского университета различных проблем истории Польши X – первой половины XVII вв. и выяснить, в какой мере их научные подходы соответствуют общим тенденциям развития дореволюционной отечественной славистики.

Изучение истории западных славян, в том числе поляков, в университетах Российской империи осуществлялось еще до того, как согласно университетскому Уставу 1835 г. в них были открыты кафедры славянской филологии. Первой работой, в которой фрагментарно рассматривались этапы развития средневековой Польши, стала «Речь в день открытия кафедры польского языка при Императорском Харьковском университете» (1819) П. П. Гулака-Артемовского. Это была первая такого рода кафедра в российских университетах⁸. По случаю данного события П. П. Гулак-Артемовский представил обзор не только истории «единобратного» польского языка, но и польской науки и образования в контексте ключевых событий польской истории. Предложенная ученым вполне объективная периодизация истории науки и образования в Польше во многом совпадала с периодизацией польской истории в целом. Хотя автор и осудил внешнюю политику средневековой Польши на Востоке Европы⁹, он высоко отзывался об уровне развития польской науки и об-

⁷ Автор придерживается точки зрения, что для Центрально-Восточной Европы Средние века простились до середины XVII в.

разования¹⁰, что подтверждается данными источников¹¹, и особо выделил средневековых польских хронистов Галла Анонима, Кадлубка, Длугоша и др. В то же время, в полном согласии с отечественной научной традицией, П. П. Гулак-Артемовский с сожалением отмечал, что «принятием христианской веры Польша должна была принять на себя и ярем богослужебного языка Римского»¹². В польских же источниках католическому крещению Польши придавался огромный положительный смысл¹³. Галл Аноним, к примеру, считал, что этим князь Мешко «вырвал польский народ из смерти неверия»¹⁴.

П. П. Гулак-Артемовский верно указал на синхронность кризиса польской науки и государственности во второй половине XVI–XVII вв. «Взаимные распри государственных сословий, дух преобладания в вельможах... подкапывали основу политического бытия Польши», а наступившее забвение наук – «неразлучный спутник раздора и бранного шума», – подчеркивал П. П. Гулак-Артемовский¹⁵. Таким образом, харьковский ученый не собирался отказываться от тезиса официальной отечественной историографии о неизбежности падения польской государственности. Укажем еще на одну деталь: несмотря на многочисленные критические отзывы о научной деятельности П. П. Гулака-Артемовского, даже в начале XX в. Д. И. Багалеи считал, что его речь при открытии кафедры польского языка все же представляет «некоторый научный интерес»¹⁶.

К середине XIX в. польский вопрос в Российской империи, в том числе на ее украинских землях, достиг небывалой остроты. Эта напряженность в отношениях между поляками-католиками и православными ощущалась даже в Харькове, включая студенческую среду¹⁷. Неслучайно, что в 1842 г. в своей вступительной лекции И. И. Срезневский назвал отношения Польши и России «вековой борьбой»¹⁸. В то же время в Харькове с его относително небольшой по численности польской общиной эти национально-религиозные противоречия проявлялись не так заметно, как, например, в Киеве, где процветал польский национализм, польская книжная торговля, где на улицах, в салонах и в университете громко звучала польская речь, а заносчивые фразы студентов-поляков «это польский университет!», «польская земля!», «Польша до Днэпра!» больно ранили слух православных киевлян¹⁹. По мнению Р. Шпорлюка, это польское влияние в социальной и культурной сфере сохранялось до 1917 г.²⁰

Характерно, что в это время, еще до восстания 1863–1864 гг., профессор Киевского университета Св. Владимира М. А. Максимович указывал в своем творчестве не только на этническую и конфессиональную, но и на социальную составляющую сложного комплекса польско-украинских противоречий XV–XVII вв., на особую социальную политику Польши, самоуправство польских помещиков в Украине и «сильный гнет для простонародья»²¹. Указанные тенденции будут впоследствии характерны и для ряда других работ отечественных историков, посвященных внешней политике Польши.

Проблема восточного вектора внешней политики средневековой Польши становилась столь актуальной, что привлекла к себе внимание даже харьковского византиниста А. П. Зернина. Единственным отступлением от его традиционной тематики стали «Очерки, служащие к разъяснению истории Польши в первой половине XVI столетия» (1858). Главным источником для автора послужили «Томицианские акты». Сочинение раскрывало фрагмент польской политической истории 1506 г., относящийся ко времени царствования прославленного Сигизмунда I Старого (1467–1548) в 1506 г. При этом тяготение автора к оригинальным, нетрадиционным для отечественной историографии выводам, вероятно, должно было прикрыть вполне очевидный факт: А. П. Зернин не был глубоким специалистом по польской истории.

Одним из главных направлений деятельности польского королевского двора первой половины XVI в. была, априори, дипломатическая подготовка польско-литовской унии. С этой точки зрения, от исследователя требовалось выяснить, какие именно социальные группы в Польше и Литве поддерживали эту идею, а какие противились ей. Выяснение данного вопроса А. П. Зернинным можно считать самой уязвимой частью его исследования. Автор не делал различий между литовскими магнатами, в действительности традиционно противившимися унии с Польшей²², и литовской шляхтой, на деле стремившейся к ней. А. П. Зернин ошибочно считал и магнатов, и шляхту Литвы единой «партией литовцев», представители которой «как-то холодно смотрели на вопрос о соединении Литвы с Польшей... Обращаясь к отношениям Польши к Литве, – продолжал далее А. П. Зернин, –

мы усматриваем здесь, что о соединении заботились более поляки, чем литовцы»²³. Отношение различных слоев литовского общества к Люблинской унии 1569 г. будет конкретизировано в отечественной полонистике позднее, в частности в очерке Н. П. Дашкевича²⁴.

Сигизмунда I А. П. Зернин считал правителем, который не только не желал воевать с сеймами, ограничивающими его власть, но и был противником религиозного фанатизма, всячески стремился «удержать в равновесии взаимно противоборствующие интересы общества» и при этом «с самых первых дней своего правления обнаружил изумительную деятельность»²⁵. Такой персонаж А. П. Зернина вообрал в себя слишком противоречивые черты, чтобы в действительности сыграть ту роль, какую отвела ему польская история. В то же время А. П. Зернин убедительно раскрыл причины недовольства шляхты созданием постоянной армии, во многом лишавшей ее вековых привилегий, а также нарисовал вполне беспристрастный образ гнезненского архиепископа Яна Лаского, являвшегося, по мнению автора, источником всех смут в государстве. Отметим, что о традиционно сильном влиянии духовенства в Польше писал ещё Галл Аноним²⁶.

Таким образом, нельзя признать во всем удачным единственное обращение А. П. Зернина к материалу из польской средневековой истории. В то же время уже само подобное обращение к ней византиниста свидетельствовало о возрастающем научном интересе к истории Польши, несмотря на господство в официальной отечественной историографии полонофобских идей.

Впрочем, эти полонофобские взгляды разделяли не все ученые Харьковского университета. Известный своими западническими идеями профессор кафедры международного права Д. И. Каченовский, по словам мемуариста А. Г. Воронова, который в 1860-е годы был его студентом, даже доказывал необходимость вынести «внутрироссийский» польский вопрос на рассмотрение международного конгресса²⁷. Однако работ по истории средневековой Польши Д. И. Каченовский не оставил, а его ярко выраженные западнические идеи предопределили ряд небесспорных научных выводов. Среди них – утверждения о том, что «международные отношения в Средние века значительно изменились к лучшему только на западе Европы», а «кельты и славяне были принуждены уступить ему (германскому племени. – С. Л.) первенство в деле возрождения Европы к новой жизни»²⁸. Отметим при этом, что и отечественные полонисты, являвшиеся авторами известных монографий, делали подчас неожиданные выводы. Так, например, киевский историк М. Ф. Владимирский-Буданов ошибочно считал, что в Польше до распространения здесь немецкого права вообще отсутствовал феодализм²⁹.

В отличие от историков права Университета Св. Владимира в Киеве, ученые юридического факультета Харьковского университета к изучению истории Польши в Средние века специально не обращались. Материал по истории средневековой Польши рассматривался лишь эпизодически, в обобщающих монографических работах по славянскому праву. Например, в 1888 г. была опубликована монография приват-доцента кафедры славянского права И. М. Собестианского «Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства». В ней контекстно рассматривались и некоторые эпизоды из правовой истории средневековой Польши. Так, по мнению автора, круговая ответственность отдельных округов за совершенные в их пределах правонарушения довольно длительное время сохранялась в ряде славянских стран, в том числе в средневековой Польше³⁰.

В том же 1888 г. в Харькове было опубликовано посмертное издание «Лекций по всемирной истории» профессора кафедры всеобщей истории М. Н. Петрова. Второй том этих лекций охватывал эпоху Средневековья. Обработку и подготовку этого тома к изданию осуществлял профессор той же кафедры В. К. Надлер.

Одной из главных особенностей «Лекций» М. Н. Петрова было то, что они включали в себя, помимо истории Западной Европы и Византии, разделы, посвященные истории славян. По мнению ученого, вся история западных славян, в том числе поляков, «представляет нескончаемую борьбу с германцами, постоянно стремившимися к расширению всего порубежного с ними славянства»³¹.

М. Н. Петров не указал в своих лекциях года крещения Польши при Мешко, названного им Мечиславом, хотя считал, что только с 860 г., т.е. с династии Пястов, начинается ее «более достоверная история»³². Харьковский ученый по сути отстаивал распространённый в отечественной историографии тезис об ошибочности принятия Польшей христианства

от Рима. В результате, Польша через католицизм «втянута была окончательно в круг западных идей и интересов» и «невольно подчинялась на западе если не политической, то культурной зависимости от немцев», которых М. Н. Петров называл «племенными врагами» поляков³³. Помимо военной экспансии и земельных захватов на юго-западе и северо-западе «немецкий элемент стал проникать и во внутреннюю жизнь раздробленной Польши», что сказалось, по мнению ученого, на возвышении шляхты и на распространении немецкого городского права³⁴. Западным влиянием М. Н. Петров объяснял и постепенное превращение средневековой Польши «в аристократическое государство, где вельможи на манер западных феодалов низвели королевскую и княжескую власть в уровень со своим собственным могуществом»³⁵.

Особым периодом, когда «внешнее могущество Польши возросло до небывалой еще степени», М. Н. Петров считал эпоху Ягеллонов, а «золотым веком» – XVI столетие. Этот «золотой век» ученый характеризовал как время не только политического могущества Польши, но и культурных достижений, «пробуждения» польской народности, «долго подавленной немецкой (так в тексте. – С. Л.) и католицизмом»³⁶. Носительница этого «пробуждения» – шляхта – смогла настолько усилиться политически, что в XVI веке «Польша уже представляет образчик шляхетско-демократического государства»³⁷. Эта «шляхетская», «т.е. аристократическая» «демократия» выродилась в последующем «в необузданную шляхетскую охлократию, погубившую Польшу»³⁸. Таким образом, именно шляхте М. Н. Петров отводил роль главного деструктивного социального фактора в польской истории. Отметим, что среди внутренних причин постепенного упадка Польши уже современники М. Н. Петрова выделяли не только своеволие шляхты, могущество олигархии и слабость королевской власти, но и невыносимый крепостной гнет крестьянства³⁹.

«Лекции по всемирной истории» М. Н. Петрова, по утверждению рецензентов⁴⁰, имели значение университетского учебника и активно использовались студентами всей Российской империи. О значении этого труда свидетельствует и тот факт, что он впоследствии был переиздан и регулярно встречался в списках рекомендованной учебной литературы до 1917 г.

К истории Польши обращался в своем многогранном творчестве известный исследователь эпохи античности В. П. Бузескул. Осуществляя издание третьего тома «Лекций по всемирной истории» М. Н. Петрова, он дополнил их собственным разделом «Реформация и католическая реакция в Польше». Очерк ученого был опубликован также и отдельно.

До В. П. Бузескула история польской реформации активно изучалась Н. Н. Любавичем и Н. И. Кареевым. Оба автора посвятили данной теме капитальные монографические исследования. Если Н. Н. Любавич считал, что главной причиной Реформации в Польше стали социально-экономические противоречия между шляхтой и духовенством из-за земельной собственности, обязанности шляхты платить Церкви десятину и права последней привлекать к церковному суду светских лиц⁴¹, то, по мнению Н. И. Кареева, польская Реформация «была движением чисто религиозным»⁴².

Хотя сочинение В. П. Бузескула стало в основном результатом переработки уже опубликованных трудов по указанной теме, он в ряде случаев все же сумел избежать откровенной компилятивности и попытался, насколько это было возможно, соединить крайности различных точек зрения по этому вопросу. Так, харьковский историк не принял тезиса Н. И. Кареева о чисто религиозном характере описываемого явления, но в то же время не упоминал и «экономические причины», на которые часто ссылался Н. Н. Любавич⁴³. «Реформация, – писал В. П. Бузескул, – дело не только религиозное, но и политическое, социальное. Сообразно господствующему духу и направлению века борющиеся политические и социальные партии шли под знаменем религии»⁴⁴. Вслед за Н. Н. Любавичем и Н. И. Кареевым, В. П. Бузескул основное содержание польской Реформации усматривал в борьбе двух главных сословий – шляхты и духовенства⁴⁵. В. П. Бузескула сближало с Н. Н. Любавичем и то утверждение, что протестантизм «вовсе не проникнул в народную массу, а захватил лишь высший общественный строй»⁴⁶. Между тем, среди социальных слоев, поддерживавших в Польше идеи Реформации, Н. И. Кареев⁴⁷, а до него и Л. Ранке⁴⁸, называли, наряду со шляхтой, также и горожан. Главной причиной поражения Реформации В. П. Бузескул считал отсутствие единства в лагере протестантов. Это поражение, по его мнению, негативно повлияло на внутреннее развитие Польши и сдела-

ло закономерным последовавший затем упадок и утрату национальной независимости в XVIII веке⁴⁹. Последний вывод ученого, несомненно, отражал официальную точку зрения на этот вопрос.

В 1907–1909 гг. курсы по истории славян в Харьковском университете читал приват-доцент, впоследствии известный славист Г. А. Ильинский. За весьма непродолжительный харьковский период своей научно-педагогической деятельности он не успел опубликовать научных работ, и о его воззрениях на историю славян и, в частности, историю Польши можно судить на основании сохранившегося курса лекций (1908). Первая часть этих лекций посвящена истории западных славян.

Главную особенность истории славянства Г. А. Ильинский, вслед за своим учителем В. И. Ламанским, усматривал в постоянной борьбе славян с азиатскими народами на востоке и с германскими народами на западе. Существенным фактором истории славян он считал и их борьбу друг с другом. Эта борьба, по мнению Г. А. Ильинского, не исключала элемента единства⁵⁰. Идея общеславянского единства будет звучать в курсе ученого неоднократно, убеждая слушателей в ее «животворящей силе»⁵¹.

Предметом исторического изучения Г. А. Ильинский считал «человеческие общества», подчеркивая при этом, что «именно законы их развития и должны составлять искомое исторической мысли»⁵². Однако отдельно взятые «славянские общества» рассматривалось ученым лишь до тех пор, пока существовала их политическая независимость. По этой причине, например, история Польши рассматривалась им только до конца XVIII в., когда, в результате трех разделов она была поделена между Пруссией, Австрией и Россией. Сама же история славянства, как южного, так и западного, была, по мнению Г. А. Ильинского, историей «национальных катастроф»⁵³. При этом лучшей порой для судеб польского народа он считал правление Ягеллонов⁵⁴.

В западнославянском, в том числе в польском средневековом обществе ученый особо выделял влияние немецкого фактора. При этом он подчеркивал: «Не в одной лишь внешней, политической истории славянства немцы играют доминирующую роль, и во внутренней, культурной истории немецкое влияние является первостепенным»⁵⁵. Несмотря на некоторое преувеличение этого влияния, Г. А. Ильинский, в отличие от историков-славянофилов, не считал, что немецкий фактор негативным образом повлиял на западнославянский мир, поскольку «сами немецкие племена стояли еще в доисторическую пору на более высокой ступени развития культуры, чем славяне»⁵⁶. Подобное спорное утверждение встречалось ранее и в лекциях по истории средних веков харьковского историка В. К. Надлера⁵⁷.

Верный своей доктрине о необходимости изучения «человеческих обществ» и их законов, Г. А. Ильинский, тем не менее, представил в своих лекциях преимущественно политическую историю Польши. Сама структура лекций соответствовала, в основном, периодам царствования отдельных монархов, либо королевских домов.

Польское средневековое общество Г. А. Ильинский делил на классы, которые, судя по его оговорке, соответствовали сословиям. Таких «классов» ученый насчитал пять: на первое место он поставил «чиновников», на второе – рыцарей или шляхту. Далее следовали «рабы», крестьяне и духовенство. Трудно предположить, что в предложенной иерархии порядковый номер подчеркивал социальную значимость того или иного «класса», ибо духовенство поставлено Г. А. Ильинским на самое последнее место, после «рабов» и крестьян⁵⁸.

Важное значение в истории феодальной Польши харьковский ученый придавал реформационному движению. Если в ставшем наиболее популярным в то время труде Н. Н. Любовича среди комплекса причин польской Реформации на первое место был поставлен социально-экономический фактор, то Г. А. Ильинский выводил Реформацию в стране из столкновения шляхты с королем. Другую причину он усматривал в безнравственности католических священников⁵⁹, это вызывало все более растущую критику в польском обществе. Тем самым Г. А. Ильинский полностью признавал закономерность польской Реформации.

В 1910–1919 гг. кафедру славянской филологии в Харьковском университете занимал А. Л. Погодин. Выпускник Санкт-Петербургского, затем профессор Варшавского университетов, А. Л. Погодин как крупный ученый заявил о себе еще в дохарьковский период своей научно-педагогической деятельности, опубликовав два крупных труда по истории славянских стран – «История Сербии» (1909) и «История Болгарии» (1910). Однако, не-

смотря на столь пристальный интерес к прошлому, в первую очередь, южнославянских народов, А. Л. Погодин в своем творчестве харьковского периода обращался и к истории Польши. Отметим, что во время своей службы в Варшаве он изрядно тревожил официальную власть своими призывами организовать польский университет и предоставить Польше политическую самостоятельность в рамках Российской империи.

А. Л. Погодин не разделял убеждений славянофилов⁶⁰. Однако полностью преодолеть влияние их концепций не смог. Так, главное содержание раннесредневековой истории западных славян он усматривал в духе славянофильской доктрины, в ожесточенной борьбе германских и славянских племен, которая являлась, по его мнению, не просто столкновением двух различных этнических групп, а борьбой двух стихий, двух миров, двух начал. Более того, в ряде публицистических статей, появившихся в харьковской прессе, ученый еще за четыре года до начала Первой мировой войны проявил себя непримиримым противником германизма⁶¹.

В своих лекциях по истории польской литературы⁶², как и в первом, вышедшем на русском языке, двухтомном труде о творчестве великого польского поэта Адама Мицкевича, А. Л. Погодин рассматривал процесс развития литературы в Польше в тесной взаимосвязи с историей польского народа. Такой подход автора встретил положительную оценку критики⁶³.

Касаясь проблем истории средневековой Польши, первостепенное значение А. Л. Погодин придавал географическому фактору. Последовательно, в духе Монтескье, проводя идеи географического детерминизма, историк указал на решающее влияние географических условий на ход самых различных общественных, политических и культурных процессов. При этом он, очевидно, преувеличивал их значение и объяснял, в частности, влиянием географической среды и децентрализацию Польши⁶⁴, и необходимость иметь постоянное войско, состоящее из шляхты⁶⁵, и медленное проникновение в Польшу культурных идей⁶⁶, и распространение здесь католицизма⁶⁷.

Историю падения Польского государства А. Л. Погодин предлагал отнести ко времени, не позднее XVI в. По мнению ученого, «... судьба Польши сложилась так, что ее объединение было невозможным»⁶⁸. Тем самым он по существу доказывал мысль о неизбежности крушения Польши как самостоятельного государства и включения ее территории в состав соседних государств, в том числе России. Такой итог ученый объяснял главным образом причинами политического свойства, как, например, заключение в 1569 г. Люблинской унии. При этом не учитывался тупиковый характер кризиса всей феодально-крепостнической системы Речи Посполитой.

В контексте общих причин ослабления Польши в XVI в. А. Л. Погодин подробно остановился на причинах т.н. «падения городов». Помимо притязаний шляхты, ведущих по отношению к городам наступательную политику, историк называл ещё два составных элемента этого процесса – «мелкие торговые интересы» городов и наличие в них массы евреев, «которым были чужды культурные стремления польского народа»⁶⁹.

На страницах «Лекций по истории польской литературы» А. Л. Погодин предпринял попытку разобраться в сущности польской Реформации. Высказав в согласии с Н. Н. Любовичем, мысль о том, что Реформация в Польше возникла на почве «экономических отношений», он вместе с тем дал ей весьма негативную оценку. «Реформационное движение, – указывал А. Л. Погодин, – охватив собою почти все польское общество XVI в., пагубно повлияло на Польшу: оно на... продолжительное время остановило действие государственной машины... Среди умственного брожения, среди хаоса разнообразных учений гибнут зачатки прочности, положенные в основание государственного быта в конце XV и начале XVI вв.»⁷⁰.

Уязвимой для критики представляется мысль А. Л. Погодина о широкой социальной опоре польской Реформации. Признанные специалисты по этой теме – Н. Н. Любович и Н. И. Кареев, а также В. П. Бузескул убедительно обосновывали положения о том, что в реформационном движении участвовала повсеместно одна шляхта и идеи Реформации практически не затронули другие социальные слои. В. П. Бузескул, например, вообще отрицал ее распространение среди народных масс⁷¹.

Наряду с этим, рассматривая польскую историю и культуру в тесной взаимосвязи, А. Л. Погодин указывал на то, что расцвет польско-латинской поэзии в XVI в. был

немыслим «вне того реформационного движения, которое охватило все умы в польском обществе»⁷². Однако убедительной аргументации своего понимания характера польской Реформации ему привести не удалось.

А. Л. Погодин стал автором первого в отечественной историографии обобщающего очерка по истории славянских народов⁷³. Спустя полвека исследователь сумел осуществить то, что не удалось в свое время известному российскому слависту А. Ф. Гильфердингу. Однако, в основном, этим фактом и исчерпывалось значение данного труда. Было бы преувеличением утверждать, будто очерк харьковского ученого существенно обогатил отечественное славяноведение. Очень сжатый и фрагментарный, труд А. Л. Погодина представлял собой характеристику главным образом внешней, политической истории славян, почти не затрагивая явлений социальных, экономических и культурных. Такой подход обусловил неодобрительный тон критики⁷⁴. Нельзя, однако, не отметить, что на духе и букве «Краткого очерка истории славян» сказались и события бушевавшей мировой войны.

Наиболее удачным разделом очерка стала глава, посвященная истории польского народа. И хотя А. Л. Погодин по сути не предложил каких-либо оригинальных идей, не выдвинул какой-либо концепции исторического развития польского государства, все же целый ряд его выводов, в частности рассуждения о причинах упадка Польши в XVII–XVIII вв., среди которых называется и экономическая деградация городов, представляют определенный интерес.

А. Л. Погодин не считал трагедией для средневековой Польши немецкую колонизацию. Эта колонизация, по его мнению, была вызвана «обоюдными интересами». Желание польских князей видеть в своей стране немецких подданных А. Л. Погодин объяснял стремлением заселить польские земли и завести в городах «какую-нибудь торговлю и промышленность»⁷⁵.

Заслуживает внимания высказывание А. Л. Погодина о последствиях для Польши монголо-татарского нашествия. Ученый назвал его «спасительным», поскольку оно сокрушило «в 1241 г. всю удельную систему»⁷⁶. Это, по мнению автора, явилось отправной точкой процесса объединения польских земель.

Подобно многим другим отечественным полонистам, А. Л. Погодин считал, что утрачена Польшей государственной независимости была предопределена ее политической системой и характером экономических отношений. Уже «XVI в истории Польши ознаменовался... грозными признаками неминуемого упадка»⁷⁷, – подчеркивал ученый. Причину этого он видел в том, что страна в конце XVI в. переживала «...состояние постоянной анархии, грозившее привести государство к упадку». «Экономическое развитие государства, – продолжал далее А. Л. Погодин, – также не могло совершаться нормально, т.к. одно сословие, землевладельческая шляхта, монополизировало все права». Все это приводило к тому, что «города не могли ни торговать, ни заниматься промышленностью»⁷⁸. В результате, столь обширное государственное образование, коим являлась Речь Посполитая, раздираемое подобными внутренними противоречиями, рано или поздно прекратило бы свое существование.

Несмотря на сжатость и фрагментарность, «Краткий очерк истории славян» оказался достаточно востребованным в свое время, а в 2003 г. вышло его второе издание.

Таким образом, Харьковский университет являлся крупным центром дореволюционной отечественной славистики. Одним из наименее исследованных направлений научной деятельности харьковских историков является изучение ими проблем средневековой Польши. Несмотря на то, что в дореволюционном Харьковском университете не сложилась научная школа полонистики, его ученые рассматривали отдельные аспекты польской средневековой истории в работах разного формата – статьях, очерках, монографиях, курсах лекций. В проблемном плане ученых интересовали, прежде всего, такие вопросы, как история польской культуры и образования (П. П. Гулак-Артемовский, А. Л. Погодин), характер правления Сигизмунда I Старого (А. П. Зернин), причины, ход и результаты польской Реформации (В. П. Бузескул). Определенным вкладом в отечественную полонистику стали соответствующие разделы получивших известность в стране «Лекций по всемирной истории» М. Н. Петрова и первого в Российской империи «Краткого очерка истории славян» А. Л. Погодина. Достигнутые харьковскими учеными научные результаты отразили

ключевые тенденции развития дореволюционной отечественной полонистики, для которой было характерно широкое распространение полонофобских идей и тезис о гибельности идейно-политической и социально-экономической системы Польши, избранной ею еще в Средние века.

¹ Хорев В. А. Русский европеизм и Польша // Славяноведение. 2004. № 1. С. 13, 15.

² Коялович М. [Рец.] // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 11. С. 149 (Смирнов М. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей // Записки Новороссийского университета. 1868. Т. 2. С. 1–259; Приложения. С. 1–42).

³ Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М.: Наука, 1979. С. 139–140, 271–272; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М.: Наука, 1988. С. 87, 336; Лантева Л. П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М.: Издательство «Индрик», 2012. Глава 6.

⁴ Кошлов С. А. Проблеми історії слов'янських народів в історичній думці України (остання третина XVII – початок XX ст.). Кам'янець-Подільський: Оіюм, 2005. С. 122.

⁵ Лиман С. И. Харьковский период научной деятельности проф. А. Л. Погодина // Вестник Харьковского университета. 1992. № 363. Сер.: История. Вып. 26. С. 125–134; Лиман С. И., Сорочан С. Б. Харьковский период научно-педагогической деятельности Александра Петровича Зернина (1821–1866) // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2007. № 762. Сер.: Історія. Вып. 39. С. 248–249.

⁶ Лиман С. И. Медієвістика в Україні в кінці XIX – на початку XX ст. (1880–1917): дис... канд. іст. наук. Х.: ХДУ, 1993. С. 164–166; Лиман С. И. Висвітлення середньовічної історії Польщі у працях славістів України кінця XIX – початку XX ст. (1880–1917) // Науковий вісник Ужгородського національного університету. 2002. Сер. Історія. Вип. 6. С. 68–69; Лиман С. И. Історія середньовічної Польщі в дослідженнях учених українських земель Російської імперії в 50–60-х рр. XIX ст. // Вісник Харківської державної академії культури. 2007. Вип. 20. С. 42–43; Лиман С. И. Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). Х.: ХГАК, 2009. С. 328–329, 341–342.

⁷ Лантева Л. П. Александр Львович Погодин (1872–1947) как исследователь истории славян // Средневековый город: межвузовский научный сборник. Саратов, 2006. Вып. 17. С. 166–184; Лантева Л. П. Русский историк-славист Александр Львович Погодин: Жизнь и творчество (1872–1947). М.: Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына, 2011. 148 с.

⁸ Бузескул В. П. Всеобщая история и её представители в России в XIX – начале XX вв. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Ч. 1. С. 19.

⁹ Гулак-Артемовский (Артемовский-Гулак) П. Речь в день открытия кафедры польского языка при Императорском Харьковском университете, произнесённая лектором оного // Украинский вестник. 1819. Кн. 2. С. 136.

¹⁰ Там же. С. 139.

¹¹ Основание Краковского университета. Учредительная грамота Казимира III Великого (1364) // Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. / Вступ. ст., пер. и примеч. Г. И. Липатниковой. Воронеж, 1973. С. 60–65.

¹² Гулак-Артемовский (Артемовский-Гулак) П. Речь в день открытия кафедры польского языка при Императорском Харьковском университете, произнесённая лектором оного. С. 143.

¹³ Długosz J. Dzieje Polskie / J. Długosz; [przekł. K. Mecherzynskiego]. Kraków: W druk. «Czasu» W. Kirchmaiera, 1867. Т. 1. I., S. 95.

¹⁴ Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисл., пер. и примеч. Л. М. Поповой. М.: Изд-во АН СССР, 1961. I. 4. С. 31.

¹⁵ Гулак-Артемовский (Артемовский-Гулак) П. Речь в день открытия кафедры польского языка при Императорском Харьковском университете, произнесённая лектором оного. С. 155–156.

¹⁶ Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / Под ред. М. Г. Халанского, Д. И. Багаля. Х.: Тип. А. Дарре, 1908. С. 320.

¹⁷ Любарский И. В. Воспоминания о Харьковском университете. 1850–1855 гг // Исторический вестник. 1891. № 8. С. 387.

¹⁸ [Срезневский В. И.] В. С. Вступительная лекция И. И. Срезневского в Харьковском университете 16 октября 1842 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. № 5. С. 118.

¹⁹ См., например, отзывы современников на эту тему: Записки об университетской жизни (1860–1864) // Киевлянин. 1864. № 12, № 13; Авсеенко В. Г. Школьные годы. Отрывки из воспоминаний, 1852–1863 // Исторический вестник. 1881. Т. 4. С. 733; Костомаров Н. И. Литературное наследие. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. С. 66.

²⁰ Шпорлюк Р. Україна: від імперської країни до незалежної держави // Схід-Захід. 2001. Вип. 4. С. 12.

- ²¹ *Максимович М.* О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII в. (Письмо к М. А. Грабовскому) // Русская беседа. 1857. Кн. 8. С. 48.
- ²² Ср.: *Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я.* История Польши с древнейших времен до наших дней / Пер., под ред. А. Сухени-Грабовской, Э. Ц. Круля. Варшава: ПВН, 1995. С. 61, 95.
- ²³ *Зернин А. П.* Очерки, служащие к разъяснению истории Польши в первой половине XVI столетия. Б. м., 1858. С. 8, 11.
- ²⁴ Главными причинами инкорпорации 1569 г. Н. П. Дашкевич считал не только «насильственность мер, которыми была проведена уния», но и интерес к польским привилегиям литовских городов и особенно литовского дворянства, готового «ради шляхетских вольностей пожертвовать самостоятельностью родной страны». См.: *Дашкевич Н. П.* Люблинская уния и ее последствия // Университетские известия. 1885. № 1. С. 4, 14.
- ²⁵ *Зернин А. П.* Очерки, служащие к разъяснению истории Польши в первой половине XVI столетия. С. 19–21.
- ²⁶ *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей или правителей польских. I. 11. С. 41.
- ²⁷ *Воронов А. [П].* Воспоминания бывшего студента Харьковского университета 60-х гг. // Русская старина. 1913. Кн. 6. С. 582.
- ²⁸ *Каченовский Д. И.* Курс международного права. Х.: Тип. университета, 1863. Ч. 1. С. 225, 231.
- ²⁹ См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Немецкое право в Польше и Литве // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. № 8. С. 517.
- ³⁰ *Собестянский И. М.* Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства. Х.: Тип. Зильбельберга, 1888. С. 106.
- ³¹ *Петров М. Н.* Лекции по всемирной истории. Х.: Изд. Д. П. Полуехтова, 1888. Т. 2. История средних веков. С. 98.
- ³² Там же. С. 110.
- ³³ Там же. С. 255–256.
- ³⁴ Там же. С. 256.
- ³⁵ Там же. С. 257.
- ³⁶ Там же. С. 262.
- ³⁷ Там же. С. 263.
- ³⁸ Там же. С. 264.
- ³⁹ См. напр.: *Бережков М. Н.* Об истории, как народном самосознании. (Вступительная лекция). Б. м., б. и., 1882. С. 8.
- ⁴⁰ *Пытин А. Н.* [Рец.] // Вестник Европы. 1888. № 7. С. 400 (*Петров М. Н.* Лекции по всемирной истории. Х.: Изд. Д. П. Полуехтова, 1888. Т. 2. История средних веков.).
- ⁴¹ *Любович Н. Н.* История Реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарии (по неизданным источникам). Варшава: Тип. Земковича и Ноаковского, 1883. С. 36–37.
- ⁴² *Кареев Н.* Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1886. С. 34.
- ⁴³ *Любович Н. Н.* История Реформации в Польше. С. 10–11.
- ⁴⁴ *Бузескул В. П.* Реформация и католическая реакция в Польше. Х.: Тип. Окружного штаба, 1888. С. 3.
- ⁴⁵ Там же. С. 4.
- ⁴⁶ Там же. С. 10.
- ⁴⁷ *Кареев Н.* Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. С. 38.
- ⁴⁸ *Ранке Л.* Римские папы в последние три столетия. Б. м., 1848. С. 10.
- ⁴⁹ *Бузескул В. П.* Реформация и католическая реакция в Польше. С. 11.
- ⁵⁰ *Ильинский Г. А.* История славян. Курс, читанный в императорском Харьковском университете в осеннем полугодии 1908 г. Х.: Типо-литография С. Иванченко, 1908. Ч. 1. История западных славян. С. 9.
- ⁵¹ Там же. С. 22.
- ⁵² Там же. С. 11.
- ⁵³ Там же. С. 19.
- ⁵⁴ Там же. С. 20.
- ⁵⁵ Там же. С. 70.
- ⁵⁶ Там же. С. 71.
- ⁵⁷ *Надлер В. К.* Лекции по истории средних веков. [Литография]. Х.: Б. и., 1887. С. 68–69.
- ⁵⁸ *Ильинский Г. А.* История славян. С. 119.
- ⁵⁹ Там же. С. 164.
- ⁶⁰ *Погодин А. Л.* Наследство славянофилов // Южный край. 1910. 3 октября.
- ⁶¹ *Погодин А. Л.* Зигзаги нашей внешней политики // Южный край. 1910. 9 октября.
- ⁶² *Погодин А. Л.* Лекции по истории польской литературы. Х.: Тип. Печатное дело, 1913. Ч. 1. Средние века и польско-латинский гуманизм первой половины XVI в. 266 с.

⁶³ *Марский В.* [Рец.] // Исторический вестник. 1914. № 1. С. 303 (Погодин А. Л. Лекции по истории польской литературы. Х., 1913. Ч. 1. Средние века и польско-латинский гуманизм первой половины XVI в. 266 с.).

⁶⁴ *Погодин А. Л.* История польской литературы. Х.: Типо-лит. С. Иванченко, 1911. С. 2.

⁶⁵ Там же. С. 3.

⁶⁶ *Погодин А. Л.* Лекции по истории польской литературы. С. 2–3.

⁶⁷ *Погодин А. Л.* История польской литературы. С. 6.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ *Погодин А. Л.* Лекции по истории польской литературы. С. 16

⁷⁰ *Погодин А. Л.* История польской литературы. С. 82.

⁷¹ *Бузескул В. П.* Реформация и католическая реакция в Польше. С. 10.

⁷² *Погодин А. Л.* Лекции по истории польской литературы. С. 208.

⁷³ См.: *Погодин А. Л.* Краткий очерк истории славян. М.: Изд. Г. А. Лемана, 1915; *Погодин А. Л.* Краткий очерк истории славян. 2-е издание. М.: Едиториал УРСС, 2003.

⁷⁴ *Вознесенский С.* [Рец.] // Русская мысль. 1915. № 2. С. 17–18 (*Погодин А. Л.* Краткий очерк истории славян. – М., 1915); *Пичета В. И.* [Рец.] // Голос минувшего. 1916. № 10. С. 20 (*Погодин А. Л.* Краткий очерк истории славян. М., 1915).

⁷⁵ *Погодин А. Л.* Краткий очерк истории славян. М.: Изд. Г. А. Лемана, 1915. С. 22.

⁷⁶ Там же. С. 23.

⁷⁷ Там же. С. 33.

⁷⁸ Там же. С. 37.